

АННА
ДАНИЛОВА

DA

МИШЕНЬ ДЛЯ
ТЕМНОГО АНГЕЛА

Психологический детектив

Эффект мотылька. Детективы Анны Даниловой

Анна Данилова

Мишень для темного ангела

«ЭКСМО»

2016

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Данилова А. В.

Мишень для темного ангела / А. В. Данилова — «Эксмо»,
2016 — (Эффект мотылька. Детективы Анны Даниловой)

ISBN 978-5-04-160579-7

Адвокат Лиза Травина и ее помощница Глафира, действуя по поручению клиентки Лидии Вдовиной-Осборн, прилетевшей из Штатов, разыскивают ее старинную приятельницу Эльвиру Андреевну Норкину. Пять лет назад Эля потеряла мужа, замкнулась в своем одиночестве, а потом, после продажи своей квартиры на Остоженке, словно исчезла. Начав расследование, адвокаты узнают, что Эльвира Андреевна умерла, и в то же время Эльвира Андреевна продолжила жить. Они предполагают, что все это время по документам Норкиной жила совсем другая женщина. Явившись по новому адресу Эльвиры Андреевны, они узнают, что ее вчера убили. Домработница Наташа, сообщившая им об этом, не может поверить, что ее хозяйка, подруга, ее Элечка... не Элечка! Ведь она знает ее почти пять лет, знает о ней все! Все? А где же настоящая Норкина? Лиза и Глаша понимают, что ввязались в криминальную историю...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-160579-7

© Данилова А. В., 2016
© Эксмо, 2016

Содержание

1. Лазаревское	6
2. Наташа	10
3. Эля Киреева	15
4. Оля	20
5. Глафира	24
6. Женя	29
7. Оля	32
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Анна Данилова
Мишень для темного ангела

© Данилова А., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

1. Лазаревское

– Что-то ноги совсем заledenели. Вроде бы лето наступило, а все равно в доме прохладно. Ты бы принесла мне грелку.

Эльвира Андреевна Норкина полулежала на широком, мягком диване перед ярким экраном плазмы и куталась в плед. Ей недавно исполнилось пятьдесят девять лет, но выглядела она, благодаря подаренной ей природой нежной коже и густым волосам, которые она регулярно подкрашивала в каштановый цвет, довольно молодо. Да и фигура у нее была, как у молодой. Полная грудь, тонкая талия, стройные ноги. Нерожавшая, никогда особенно не утруждавшая себя физическим трудом, она сумела сохранить здоровье и привлекательность, да и психологически ощущала себя моложе лет на тридцать.

Вот уже два года она жила в Лазаревском, в очень хорошем, расположенном в пяти минутах от пляжа доме, окруженном большим садом, цветами. Имела прислугу в лице одинокой и некрасивой молодой женщины Наташи (которую в свое время подобрала с улицы и помогла выкарабкаться из долговой ямы) и чувствовала себя вполне счастливой.

Было начало июня, впереди был курортный сезон, который обещал принести немалый доход, – в глубине сада, куда вела посыпанная гравием аккуратная дорожка, находилась маленькая одноэтажная, с шестью номерами гостиница с небольшим чистеньким бассейном. Из-за близости моря комнаты сдавались за довольно приличную цену, что придавало Эльвире Андреевне чувство уверенности, надежности.

Расторопная Наташа вполне справлялась с уборкой всех помещений, за что Эльвира щедро платила ей.

Ноги почему-то продолжали мерзнуть.

– Это от нервов, Эльвира Андреевна, – сказала Наташа, подсовывая резиновую грелку с горячей водой под плед, в ноги хозяйке.

– Думаешь, он не вернется?

– Вернется, конечно, вернется.

– Вот вечно ты так... Говоришь, не подумав. Просто чтобы угодить мне.

Наташа всегда во всем поддерживала свою хозяйку, поддакивая ей и соглашаясь во всем. Даже когда в глубине души имела свое отличное от мнения Эльвиры мнение, как и в этом случае. Хотя, кто знает, думала она, быть может, этот молодой человек по имени Саша и вернется к ней.

Саша появился в Лазаревском месяц тому назад. Поначалу Эльвира, сдававшая ему комнату, приняла его за отдыхающего. И лишь спустя несколько дней, когда она пригласила молодого мужчину к себе на ужин, он рассказал ей, что приехал сюда, на море, чтобы подыскать дом своему начальнику, москвичу, мечтавшему перевезти в это райское место жену и троих детей.

– Здесь мало кто продает дома, – сказала Эльвира, подкладывая ему на тарелку куски жареной курицы. – Вы ешьте, Саша, ешьте, не стесняйтесь. Ну подумайте сами, кому же охота покидать это место? Разве что случайно подвернется продажа... Ведь все, у кого есть хорошие дома, а вам нужен именно такой, да к тому же еще и поближе к морю, сдают комнаты, номера, даже кровати во времянках! Это же золотое дно!

Эльвира в тот первый вечер, когда заполучила к себе Сашу на ужин, выглядела очень свежо и молодо. В джинсах, белом свитере, улыбающаяся, веселая, она откровенно обольщала своего гостя, разве что не ворковала, как птичка. Косметики на лице было минимум, щечки ее разругались от приятного волнения, и Наташа, прислуживающая им за ужином, смотрела на свою хозяйку с восхищением.

Понятное дело, что она слышала почти весь их разговор, из которого поняла, что у Саши в Москве есть семья – жена и двое маленьких детей. Ясно, что в первую встречу, за столом, Саша ничего не рассказывал о характере своих отношений с женой. Но вот позже, уже в спальне Эльвиры, наверняка чтобы как-то оправдать свой блуд, свою измену, сказал, что отношения с женой не складываются или вообще супруги находятся на грани развода. Так говорят все мужчины, которым приспичило переспать с другой женщиной. Это было твердое мнение Наташи, у которой по молодости (а себя она считала чуть ли не старухой в свои сорок два) тоже были романы с женатыми мужчинами.

Комната, в которой жила Наташа, располагалась в дальнем крыле дома, где имелся отдельный вход. Очень удобно, если учесть, что хозяйка время от времени желает побыть одна, и в такие часы в доме должна соблюдаться тишина. Или же, когда ее посещают знакомые, Наташе также следует находиться в своей комнате и не высовываться. По сути, это благостное для нее время, когда она может отдохнуть. Сидя в своей комнатке, Наташа смотрит телевизор, вооружившись наушниками, читает, вяжет или просто спит. Она даже во двор не выходит, даже грядки пропалывать нельзя, надо создать видимое отсутствие в доме еще одного человека.

Друзей Эльвира в Лазаревском не завела.

– Я здесь чужая и своей никогда не стану. Сплетни мне не нужны, а потому предпочитаю жить замкнуто, не совать нос в чужие дела и не давать самой пищу для разговоров, – сказала она еще в самом начале, когда они переехали сюда из Москвы и надо было расставить в доме не только новую мебель, но и все точки над «i». – И тебе тоже запрещаю с кем-либо водиться, близко дружить, понятно? Нет, мы, конечно, нормальные люди и не сможем вообще ни с кем не общаться. Рано или поздно у нас сложатся отношения с соседями, без этого никак, но вот впускать кого-то в душу нельзя ни мне, ни тебе, Наташа. Начнут задавать разные вопросы, строить предположения... Словом, ты меня поняла.

Да и как тут было не понять? Эльвира Андреевна – человек осторожный, ей нужно время, чтобы освоиться на новом месте. Это она сейчас так говорит, что никого в душу не пустит, но кто может заранее знать, как все сложится в жизни? Может, встретит родственную душу, какую-нибудь одинокую вдовушку, да и подружится, станет звать к себе в гости, разговоры разговаривать.

Но прошло несколько месяцев, и никакой «вдовушки» не наметилось. Как и сказала Эльвира, местные жители жили каждый своей жизнью, особо в друзья не набивались. Да и соседи, словно принимая ее правила, ограничивались тем, что здоровались или просто одаривали друг друга дежурными улыбками.

Зато уже через месяц повадился к Эльвире ходить один молодой парень, грек Анастас. Красивый, высокий, черноглазый. Он был бригадиром строителей, которые ремонтировали гостиницу, занимались отделкой спален и ванных комнат. Ремонт закончился, все ушли, а грек остался. Сначала жил несколько дней в одном из номеров отеля, стояла ранняя весна, было прохладно, и Наташа видела, как из каменной трубы шел дымок. Ну а потом Эльвира попросила ее отнести греку обед. Позже он собрался и ушел, и Наташа подумала, что теперь-то с концами, однако вечером вернулся уже налегке, во всем чистом и новом, поднялся по внешней лестнице на балкон в спальню хозяйки, да и остался там до утра. Накануне Наташа отнесла в спальню поднос с фруктами и вином, а еще чистые полотенца и новые мужские домашние туфли.

С чужими Эльвира бы никогда не стала обсуждать свои сердечные дела, но вот с Наташей время от времени делилась самыми сокровенными мыслями и чувствами. И делала это словно неосознанно, просто не в силах держать в себе все. Ей, как и каждому человеку, нужно было выговориться или же просто услышать чье-то мнение.

– Он всегда молчит, этот Анастас. Молчит, и все. У него прекрасное тело, он сложен, как бог, но интеллект, похоже, подкачал. Я и сама не профессор, конечно, я обыкновенная женщина, но как можно вообще ничего не говорить? Хотя бы обманул, сказал бы, что любит, я бы проглотила. Даже вино не похвалил.

– Может, он немой? – предположила Наташа.

– Если бы... Я слышала, как он расплачивался с рабочими, как орал на них, говорил с акцентом, но бойко так, аж слова нелезали друг на дружку.

– Думаю, он просто стесняется вас, побаивается.

– Вот вечно ты скажешь, не подумав. Стесняется? – Эльвира улыбнулась своим воспоминаниям. – Вот уж каким-каким, но стеснительным его точно не назовешь.

Анастас исчез, растворился в свежем воздухе Лазаревского, как дым. Эльвира несколько о нем не грустила. Даже как будто очнулась от любовной горячки, принялась обустроить с каким-то особым рвением дом, занялась собой, познакомилась с маникюршей Анютой, которая приходила раз в неделю заниматься и без того ухоженными ручками и ножками Эльвиры. Время от времени появлялась и массажистка Эмма, здоровенная, сильная женщина, от которой всегда пахло ванилью, словно она была набита ванильными булочками. Хотя сладкий запах этот шел скорее всего от персикового или абрикосового масла, которым массажистка пользовалась при массаже и который впитался в кожу ее рук.

Морской курорт готовился к сезону, возводились новые гостиницы, повсюду шел ремонт, пахло строганой доской, краской, сырым цементом, некоторые улицы были перекопаны, по траншеям прокладывались трубы, в садах жгли прошлогоднюю листву, от чего по городку плыл горьковатый запах дыма. Появлялись первые гости, которые непонятно зачем приезжали ранней весной, разве что просто вырывались из грязных и холодных городов, чтобы погреться на южном солнышке, подышать морским воздухом да отоспаться в тишине и покое гостиничного номера.

Эльвира Андреевна купила машину, темно-синий «Фольксваген», и каталась на нем по городку, даже в соседнюю булочную отказывалась ходить пешком. Охотно возила Наташу на базар, где они, не спеша, с удовольствием выбирали овощи и фрукты.

Эльвира Андреевна в самом начале их знакомства рассказала Наташе, что она – вдова, что муж ее был крупным московским бизнесменом, да умер полгода тому назад, оставив ей недвижимость и деньги. Остальное Наташа могла только додумывать: нигде не работала, жила в свое удовольствие, что и продолжает делать после смерти любимого супруга.

Чувства Наташи к своей хозяйке менялись от ненависти к любви. Или наоборот, в зависимости от обстоятельств. Так, когда та приняла ее на работу, Наташа испытывала к ней помимо благодарности чувство восхищения внутренней силой и умом Эльвиры. Сама Наташа, человек ведомый и слабый, готова была подчиняться ей во всем, лишь бы находиться рядом с ней, прислуживать ей. Однако наступал такой момент, когда она инстинктивно начинала понимать, что ею помыкают, что над ней надсмехаются, что ее унижают, и тогда в ней просыпалась тихая и дремучая ненависть, когда она мысленно расправлялась со своей хозяйкой, убивала ее, да так, что кровь лилась ручьями...

Но это происходило лишь в первые месяцы их проживания под одной крышей. Позже, когда Наташа выучила все правила поведения, разобралась в большом списке своих обязанностей и освоилась в квартире, стало легче обоим женщинам.

– Главное, Наташа, это знать свое место, – любила повторять, просто-таки вбивать в сознание своей домработницы Эльвира Андреевна. – Некоторые люди рождены, чтобы мыть полы и стирать. И это их предназначение. И не надо никаких революций, прошу тебя, не надо мне ничего доказывать, что ты могла бы стать учительницей младших классов или художницей, портнихой или финансистом. Ты – Наташа, которая прислуживает мне, прибирается в доме,

стирает и гладит, готовит еду, моет посуду, стелит мне постель, ходит на рынок за покупками и так далее, и так далее... И когда ты смиришься со своим местом в этом мире, так сразу же почувствуешь себя намного спокойнее и даже счастливее. Да-да, и разные мелкие приятности так и посыпятся на твою голову.

Звучало, как бред, но на деле все оказалось чистой правдой. За хорошую работу, за служение Наташе выделили комнату в квартире (первое время она спала на раскладушке в прихожей), выдали красивое постельное белье, перину, теплое одеяло, показали, куда она может складывать свои вещи. Вот только есть Наташе разрешалось лишь в кухне, как прислуге.

И если одно из самых главных условий работы у Норкиной – проживание в квартире хозяйки и отсутствие личной жизни – поначалу Наташу пугало, поскольку все это сильно смахивало на заточение или вообще рабство, то позже, когда она усилием воли внушила себе, что отсутствие мужчины в ее жизни является для нее благом, что это своеобразная страховка от возможных ошибок, способных разрушить ее жизнь, она и вовсе успокоилась.

...Зазвонил телефон, Эльвира вздрогнула, схватила трубку. Глаза ее, расширенные, блестящие от готовых в любую минуту пролиться слез, уставились в одну точку. Наташа сразу поняла, что звонил Саша.

– Да... поняла. Что ж... я рада. Ты не переживай, все устроится. Да-а-а? – Лицо ее стало розоветь, словно прозрачный фужер, наполняемый розовым шампанским. – Хорошо, значит, через два дня. Я встречу тебя.

Она отложила телефон и посмотрела на замершую напротив нее с тряпкой в руке Наташу:

– Он уже взял билет, Наташа. Ты понимаешь?

– Бросил семью? Развелся?

– Развод – это условность. Развод – это документ, который не всегда легко получить. Я бы дала ему денег, чтобы все как-то ускорить, но посчитала это преждевременным. А вот сейчас, когда он объявил своей жене, что не любит ее и не хочет с ней жить, что любит другую, то есть меня, вот теперь я помогу ему освободиться от этого брака.

Наташа подумала, что нехорошо это – бросать жену с двумя маленькими детьми, а еще подумала, что как же хорошо, что люди не научились читать мысли друг друга. Иначе Норкина, прочитав ее мысли, сразу же уволила бы ее.

– Я рада, – солгала она, пряча взгляд и как-то уж особенно старательно вытирая пыль с комода. – Рада, что вы наконец успокоились. Представляю, как вы переживали.

Но Эльвира не слышала ее. Она забралась с головой под плед, чтобы какое-то время побыть совершенно одной в состоянии тихого, долгожданного счастья. Потом, вынырнув из-под пледа, улыбнулась и сказала:

– Неси шампанское! Кажется, я скоро выйду замуж!

2. Наташа

– Ее это не остановило. Ну то, что он женат. Я сразу поняла, что она влюбилась. Как кошка. Она так смотрела на него, просто пожирала глазами. А он глядел на нее сначала робко, а потом, когда выпил коньячку и хорошенько закусил, разомлел и поднялся к ней в спальню, уже не обращая внимания на ее возраст. Думаю, что когда мужчины выпивают, у них на глазах появляется такая сладкая муть, через которую все особи женского пола кажутся молодыми и привлекательными.

Не помню, что еще говорила я следователю. Меня всю трясло. Я вернулась из морга и хлопнула водки.

В квартире было холодно. И я вспомнила, как моя дорогая Эля, Эльвира Андреевна, не так давно жаловалась, что у нее мерзнут ноги. Я ей еще грелку приносила, подкладывала под пяточки. Господи, неужели это она там, на металлическом столе? Просто не верится. Я всегда думала, что при ее деньгах она всегда сможет позаботиться о себе, вылечить любую болезнь. Да и вообще она была здоровой женщиной, следила за собой, пила витамины. Не скажу, что она вела такой уж здоровый образ жизни, всякое бывало, и поесть вкусно любила, и выпить была не дура.

Следователь спросил меня, когда я видела ее последний раз. Получается, что за два часа до смерти. Я вышла из дома, чтобы пройтись по городу, подышать воздухом. Мы же, как приехали в Москву из Лазаревского, так Эля заставила меня освежить квартиру, помыть полы, окна. Вот я и принялась все отмывать, чистить. А когда я все помыла, прибралась, решила пройтись... Эли в это время дома не было, она уехала, я так поняла, к Саше.

Саша... Вцепилась она в него мертвой хваткой. Что до меня, так я в душе была не против того, чтобы они были вместе. Я уже знала, Эля советовалась со мной, что Саша был несчастлив со своей женой. Хоть она и молодая, но какая-то потрепанная, курящая, вечно всем недовольная. Я понимаю, это все от бедности, были бы у нее денежки, она бы наняла няньку, да и жила бы себе без проблем. Глядишь, и к косметологу ходила бы, и личного парикмахера завела. Но повторяю, денег в семье не было, и Эля это сразу поняла. И в Лазаревское Саша приехал вовсе не для того, чтобы подыскивать дом или квартиру для своего начальника. Нет у него никакого начальника. Он приехал с другом, они хотели сколотить строительную бригаду, чтобы заработать, да с другом вышел конфликт, тот сорвался и уехал, кажется, даже присвоил какие-то Сашины деньги, вот наш парень и остался один, без средств. Даже на билет у него не было денег. Думаю, он про все это откровенно рассказал Эле уже после того, как провел с ней ночь. Вот в спальне-то, наверное, все и рассказал. И Эля моя растрогалась, сказала, чтобы он не торопился, чтобы пожил еще немного, может, найдет нормальную работу, сможет зарабатывать. Специально так сказала. Чтобы его задержать.

Конечно, никакую работу он не искал. Он не особо рвался класть кирпичи или штукатурировать. Да и никакой он не строитель. Он вообще по типографскому делу. Но кто-то научил его азам строительства, он даже дачу кому-то в Подмоскovie строил. Да вот только денег ему за это никто не заплатил. Обо всем этом мне потом, постепенно, рассказывала Эля.

Я первый раз видела ее такой. Нет, мужики у нее были, да только она не трепетала так, как с Сашей. Ее прямо-таки лихорадило от этой любви. И я еще подумала, что никогда такая любовь ничем хорошим не кончалась. И по себе знаю, пережила в свое время любовную лихорадку, да и с подругами моими такое случалось, но только всем им потом приходилось зализывать раны.

Глядела я на Элю, глядела, пыталась представить себе, что с ней, бедной, будет, если Саша все-таки не вернется, если не бросит жену и детей?

Она же его обратно в Москву отправила зачем? Зачем денег на дорогу дала? Чтобы он встретился с женой и объявил ей о своем уходе. И вот когда она проводила его, вернулась домой, вот тогда я поняла, что влипла моя Эля. Что любовь эта ее болезненная, тяжелая, что отбирает последние силы.

Неопределенность, отсутствие информации сделали ее жизнь первые несколько дней, пока Саша не звонил ей, настоящей мукой. Она мало ела, сидела возле окна, была какая-то пришибленная, и как мне показалось, даже постарела за это время. Потом стала мерзнуть. Сидит, закутанная в одеяло, и жалуется, что ноги мерзнут. Я ей грелку постоянно меняла. Мне так и хотелось ей сказать, мол, остановись, тебе почти шестьдесят, зачем тебе такой молодой мужчина? Тебе же придется постоянно заботиться о своей внешности, ты потеряешь всякий покой. И если тело еще выглядит стройным, подтянутым, то лицо снова потребует каких-то сложных масок, уколов, всего того, что тебе придется проделывать втайне от своего молодого любовника. А еще ты будешь изводить себя ревностью. Ты не сможешь удержать его при себе, он же не собачка, которая сидит возле твоих ног или лежит на пуфике. Мужчина, он как ветер, и здесь, в Лазаревском, особенно в курортный сезон, когда в комнатах отеля поселятся молодые женщины, ты будешь отслеживать каждый его шаг, а еще ловить на себе их насмешливые взгляды, они сразу смекнут, что ты купила себе этого парня.

Я до сих пор не верю, что моей Элочки нет в живых. Кто-то размозжил ей голову. Кто-то, кого она хорошо знала, раз впустила в квартиру. Так сказал следователь, так считаю и я.

Возможно, когда-то, в порыве чувств, я и сама желала ей смерти. Да, это было. Сколько раз я мысленно убивала ее, подсыпала в питье отраву, душила ее подушкой... Но проходило время, я успокаивалась, и жизнь продолжала радовать меня. Ведь если разобраться, кем я была, пока Эльвира не взяла меня к себе? Женщина, потерявшая все из-за своей же глупости, поверившая мужчине настолько, что продала свой дом и собственноручно отдала ему все свои деньги... А после этого скиталась по улицам, умирая с голоду, готовая мыть общественные туалеты, лишь бы заработать...

Нет, мне нельзя было жаловаться. С Элей у меня был дом, своя комната, еда и деньги. А свобода? Как говорила Элечка, свобода – это понятие относительное.

– Она с кем-нибудь встречалась?

Я не знала, что ответить. Рассказать про Сашу? Про то, что она приехала в Москву, чтобы помочь Саше устроить поскорее развод и выйти за него замуж? А что, если это жена Сашина ее убила? Чтобы не разводиться?

– Да, она собиралась замуж, – и я рассказала в двух словах все, что знала.

– Сколько ему, говорите, лет?

– Двадцать восемь.

Следователь присвистнул. Это и понятно. Все бы присвистнули. Я бы первая.

– Тридцать один год разницы. Кто он? Чем занимается? Откуда?

Я рассказала.

– Фамилия?

– Зимин.

– Вам что-нибудь известно о завещании вашей хозяйки?

– Нет, абсолютно ничего.

В квартире побывала тьма народу. Разные там эксперты, криминалисты, следователь, еще какое-то начальство, словом, все чин чином. Осмотрели мою Элечку, уложили на носилки и вынесли.

На том месте, где лежало ее тело, образовалась кровавая лужа. Голову ей пробили малахитовой пепельницей, украшенной золочеными фигурками медвежат. Пепельницей никогда никто не пользовался, она стояла на полочке в передней. Рассеченный висок – след одного из металлических медвежат...

– У вашей хозяйки были враги? Может, ей кто-то угрожал? – следователь спрашивал меня с видом человека, вынужденного задавать вопросы непроходимой тупице, коей он меня считал. Он смотрел на меня, как на существо низшего порядка. Быть может, именно тогда я поняла, что неправильно (не без помощи Эли, конечно) определила свое место в жизни. И что рождена я вовсе не для того, чтобы мыть полы и стирать, а для того, чтобы просто жить и быть счастливой. Может, мне и удобно было во всем соглашаться с Элей, все-таки она являлась не только моей хозяйкой, но и благодетельницей, но то Эля, а это – мужик, следователь, уставший, невыспавшийся, злой и надменный.

– Послушайте, ей никто не угрожал. Она совершенно спокойно жила все те годы, что я ее знала. А еще она была невероятно счастлива, что выходит замуж за любимого человека. Вы не смотрите, что ей по паспорту почти шестьдесят. Она выглядела прекрасно, следила за собой, и Саша ее любил. Вот так. И причин ее убивать ни у кого не было.

– Однако ее убили. Причем весьма жестоко, – заметил следователь.

– Думаю, что ее просто хотели ограбить... Может, кто по соседству живет, преступник, я имею в виду, увидел, что она вернулась, позвонил, она и открыла. Ее хват по голове, прошли в квартиру, а там – ничего ценного. Все деньги у нее были в банке, на счетах. Наличных у нее почти не бывало. Все ценное из украшений и прочего – в Лазаревском. Мы же там жили. А сюда она приехала, я вам уже рассказывала, чтобы дождаться развода Саши. Я лично так считаю.

– У нее есть родственники?

– Насколько мне известно – нет. Она никогда не упоминала ни братьев, ни сестер, ни племянников...

– По линии мужа тоже никого?

– Понятия не имею. Говорю же, она при мне ни разу не упоминала никого из родственников.

– Может, она из детского дома?

– Я не знаю.

– Хорошо. Мы это выясним. Вы пока оставайтесь в городе, никуда не уезжайте, мы еще с вами встретимся и поговорим.

– Я могу оставаться в квартире? Убраться?

– Да, конечно, можете. До того момента, пока не объявится наследник.

– Наследник?

– Ну не инопланетянка же она, – усмехнулся следователь. – Кто-нибудь да объявится.

В какой-то момент я поняла, что осталась в квартире одна. Жуткая тишина сковала стены этого некогда приятного жилища. Все, что осталось от моей Элочки, – это кровь на паркете.

Мысль о том, что все самое ценное, что было у Эльвиры, сейчас находится в Лазаревском, в ее доме, куда пока еще не ступила нога представителя правоохранительных органов, пронзила меня, заставила мое сердце биться учащенно. Безусловно, следователь (его зовут Шитов Андрей Сергеевич) понял, что основное место жительства Эльвиры – Лазаревское. Она является владелицей дома и отеля. Однако зарегистрирована она в Москве, на Патриарших, в Большом Козихинском переулке, что рядом со знаменитым «Булгаковским» домом.

Когда Шитов получит официальное разрешение на обыск «лазаревского» дома?

Медлить было нельзя. Подумаешь, я пообещала ему оставаться в Москве и никуда не уезжать. Никакой документ на подпись мне представлен не был. А потому я просто должна была воспользоваться ситуацией и срочно лететь в Сочи.

Я купила билет по Интернету (спасибо Элечке, она открыла для меня это чудо и научила пользоваться ноутбуком!), быстро собралась и, решив не тратить драгоценное время на уборку, на такси помчалась в Домодедово, надеясь успеть на семичасовой рейс.

– Прости меня, Элечка, – твердила я, укладывая в сумку самое необходимое, документы, деньги, еще зачем-то сунула в сумку таблетки от головной боли.

Все банковские карточки, а также наличные Эльвиры вместе с ее портмоне исчезли (драгоценности, что были на Эле, я успела заметить, остались на ней). Хотелось надеяться, что Шитов с компанией окажутся порядочными людьми, и все это богатство «пришется» к делу.

В Лазаревском же Эльвира хранила все свои брильянты, золото, сколько раз я, оставаясь дома, перебирала эти чудесные вещицы, примеряла. И вот сейчас, со дня на день, объявится, по словам Шитова, наследник или наследница и возьмет все это себе! С какой стати? Лишь только потому, что в их жилах течет немного крови Эльвиры? А где вы были раньше, родственнички, почему не показывались, не навещали свою тетку (сестру или кем там еще она вам приходилась)?

У Эльвиры не было детей, она проронила это как-то вскользь, когда мы разговаривали с ней о возрасте, о теле, о том, что у нее нет растяжек ни на бедрах, ни на животе, что она никогда не была беременна. Интересовало ли меня прошлое Эльвиры? Безусловно, мне было интересно знать о ней все. Да только она ограничивалась дежурными фразами: мол, умер ее муж, хороший был человек, очень ее любил, холил и лелеял. Что умер неожиданно, от инфаркта. Каким именно бизнесом он занимался, я так и не поняла. Но денег оставил жене немерено.

Я не видела ни одного семейного фотоальбома, где бы Эльвира была с мужем. Имелись, конечно, маленькие такие альбомчики, с целлофанированной обложкой, набитые курортными снимками, где Эльвира была одна или в обществе знакомых женщин. Мужчин рядом с ней на фотографиях нигде не было. Если бы я не знала ее, то подумала бы, что она принципиально избегает мужчин или же они по причине ее непривлекательности избегают ее. Однако она была интересной, здоровой женщиной, у которой были любовники, поэтому отсутствие мужчин на снимках меня всегда удивляло.

Поскольку мне позволено было наводить порядок в каждом уголке дома, я имела возможность просматривать и документы Эльвиры. Так вот, ни одного документа, где бы фигурировал Норкин Евгений Борисович (а именно так звали ее покойного супруга), я не увидела. Мое любопытство заставило меня завязать знакомство с уборщицей одного московского загса, женщиной с проблемами. Как я вышла на нее – это отдельная история. Скажу только, что я несколько недель следила за ней, выяснила, где и в каких условиях она живет, поговорила с соседями. И лишь после того, как поняла, что эта женщина сильно нуждается, что у нее больной отец, на которого уходят все заработанные ею средства, я и столкнулась с ней в магазине рядом с ее домом. Как бы случайно. Познакомилась, пригласила ее в кафе, придумала историю, будто у меня проблемы, наплела ей с три короба про какое-то там наследство, которое может пройти мимо меня, сказала, что люди должны помогать друг другу, а потом спросила, не могу ли я ей чем-нибудь помочь. Может, дать денег в долг? И дала. Целых три тысячи рублей. После мы с ней еще несколько раз встретились, я сказала, чтобы она не возвращала мне деньги. Ну а затем попросила ее достать мне копию свидетельства о браке супругов Норкиных – Евгения Борисовича и Эльвиры Андреевны. И еще, если можно, копию свидетельства о его смерти. Моя знакомая, ее звали Татьяна, добыла мне эти документы буквально через пару дней. Так я узнала, что Норкин Евгений Борисович – никакой не фантом, что он реальная личность и действительно был супругом Эльвиры. И что умер он чуть больше одиннадцати лет тому назад.

И я успокоилась. Просто неприятно было бы узнать, что тебе морочат голову, врут в лицо. Мне даже дышать стало легче после того, как я узнала, что Эльвира была со мной честна.

Итак, я выяснила, что богатство Эльвиры досталось ей от мужа и что мне, человеку бездомному, необразованному (курсы швей-мотористок не в счет), надо сделать все возможное,

чтобы как можно дольше задержаться при ней, расположить ее к себе, постараться сделать все, чтобы стать ей близким человеком. Чтобы в конечном итоге она позаботилась обо мне, и я на старости лет не оказалась выброшена на улицу. И если поначалу я прислуживала ей как бы через силу, наступая на горло собственной гордости, раздражалась всякий раз, когда мне делали замечание или допускали грубоватый тон, то потом мы с Эльвирой как-то притерлись друг к другу.

В самолете я только и думала, что о появлении возможных наследников. Представляла себе, как вернусь обратно в Москву и увижу целую свору алчных и совершенно чужих людей, которые будут вести себя как хозяева в квартире, повсюду совать свой нос, трогать вещи, ну а потом всем скопом отправятся в Лазаревское – присваивать все нажитое покойной...

О завещании я ничего не знала. Уверена, что и Эльвира тоже не успела распорядиться своим имуществом. И что же теперь будет, если вдруг и наследников не окажется? Кому отойдет квартира на Патриарших? Или дом в Лазаревском? Государству, что ли? Уж лучше бы она тогда оставила все Саше. У него все-таки дети...

А что делать мне? Где жить? Деньги-то у меня на первое время есть. Можно квартиру снять и устроиться в какую-нибудь приличную семью домработницей. Или купить недорогой домик где-нибудь в Подмоскovie? Недорогой... Не получится. Всех моих денег на дом не хватит.

Значит, надо действовать. Забрать, пока не поздно, все драгоценности и наличные Эли. И пусть потом доказывают, что это сделала я.

Ну да, я вернулась в Лазаревское. Но не для того, чтобы грабить дом, а чтобы подобрать платье для усопшей, чтобы соседям рассказать, что она умерла, да чтобы взять свои вещи! Вот, подумала я, скажу Шитову, если меня прижмет, что решила – пока нет наследников – забрать свое. Все-таки я жила вместе с Эльвирой и не хотела бы, чтобы чужие люди рылись и в моих вещах тоже.

...Я немного отвлеклась от своих мыслей, когда принесли еду: я выбрала омлет с ветчиной. И когда уже начала есть, то, повернувшись по привычке, чтобы как-то прокомментировать еду или просто что-то сказать, обратившись к моей Эле, вдруг поняла, что она никогда уже не услышит моего голоса, не улыбнется мне и не скажет: «Наташа, вот вечно ты так!»

И слезы покатились по моим щекам, закапали на омлет...

3. Эля Киреева

Жизнь иногда подает нам знаки, и человек сомневающийся, раненный этой самой жизнью, ошпаренный несчастьем, прибитый подлостью и предательством или просто очень мнительный, выходя из дома, постоянно прислушивается, присматривается в поисках этих знаков, расшифровывая все происходящее на своем пути. Я тоже пыталась заниматься этой бодягой, особенно когда становилось совсем туго, невыносимо. А для меня, человека, в общем-то, терпеливого и неприхотливого, жизнь стала невыносимой, когда в доме моего отца, где мы с ним жили вдвоем, на окраине Домодедова, за неуплату счетов отключили воду, электричество и газ. В сущности, мы вполне сносно могли бы жить на мою зарплату почтальона и его пенсию, если бы отец не сбил на своем старом «Фиате» одного местного жителя, Сторожева. И его родственники на протяжении уже нескольких месяцев тянули с отца деньги на лечение его сломанной ноги. Я нашла клинику, где ему накладывали гипс, разговаривала с ортопедом, и он сказал, что с ногой уже все в порядке, что она срослась примерно за три месяца и что теперь этот Сторожев ходит к нему со сломанной рукой (!). Я не стала ничего выяснять с этим семейством, я уже поняла, что это мошенники, а потому просто пришла к ним поздно ночью, облила бензином их сарай, плеснула немного на пустой крольчатник, бросила горящую спичку и пошла себе спокойно спать.

Посреди ночи я проснулась от шума. Это мой отец, у которого в отличие от меня сон тревожный, а то и вовсе бессонница, стоял возле окна и смотрел на розовый горизонт – это на другом конце поселка горели Сторожевы...

Никто не пострадал, огню не дали перекинуться на жилой дом, однако никто из этого семейства нас больше не беспокоил. Как отрезало.

Как раз в то время мы с отцом, увязнув в долгах, затаили с оплатой коммунальных платежей и сидели в темноте, не имея возможности даже вскипятить чайник!

Мой отец – человек необщительный, а потому не к кому было особо напроситься на ужин. Я соорудила в саду очаг из кирпичей, где мы и запекли картошку с луком. Обошлись без чая, достали из погреба компот.

– Дура ты, Эля, – сказал он мне тогда, дуя на горячую картошку и глядя на тлеющие угли. – И ничего-то не понимаешь. Мой отец был почтальоном, как ты знаешь, в Москве, он мне такие интересные истории из своей жизни рассказывал... Почта для нас, говорил он мне всегда, настоящий Клондайк! Надо только умело взять то, что лежит на поверхности. Уж поверь, у моего деда таких проблем, как у нас сейчас, никогда бы не было... Да и у меня тоже, когда я работал почтальоном в городе... И меня, заметь, все знали как самого честного и добросовестного почтальона. И никто не знает, сколько я в своей жизни подделал подписей, сколько переводов получили мои люди по подложным доверенностям. Или, к примеру, припишешь нолик в документе, и получается, что гражданке Ивановой положены, скажем, не двадцать рублей, а двести. Ей-то я выплачиваю двадцать, а сто восемьдесят кладу в карман. Чего так смотришь? Я же рассказывал тебе... Или вот делаю дубликаты переводов, в то время как по подлинным переводам деньги уже получены! Да, хорошие времена для меня были... Слушай, Эля, у нас колбаски не осталось?

Я слушала его внимательно, отлично понимая, о чем идет речь.

Принесла ему остатки колбасы, он нарезал ее на кусочки своим ножиком, с которым никогда не расставался, нанизал каждый на прутик и поджарил на углях.

– На, держи, вкусно. Жаль, пивка холоденького нет...

Потом вытер нож о штанину и протянул мне.

– Ты когда-нибудь обращала внимание на этот нож? То-то и оно... А ведь это складной нож «Золинген» времен фашистской Германии, вот так-то вот! Думаешь, откуда он у меня?

Расскажу. Это началось в сорок пятом, просто волна посылок с запада на восток. Наши солдаты и офицеры отправляли домой, в Россию, трофеи из оккупационной зоны Германии и других освобожденных стран. Ты только представь себе, какие сокровища проходили через руки почтальонов! Драгоценности, разные дорогие вещи, украшения, картины, ткани и прочее... Солдатам полагалась посылка не более пяти килограммов, офицерам – десять, а генералам – шестнадцать, а то и все восемнадцать! Мой отец тогда разбогател и купил один этаж частного дома на Зацепе...

– Как это разбогател? Ты никогда не рассказывал мне, что у моего деда был дом на Зацепе! Так как разбогател?

– Вот так... В посылке нашел что-то очень ценное, долго искал покупателя, но поскольку он был все-таки почтальоном и многих знал, то через подставное лицо и предложил кому надо... И это не считая других украденных им посылок, в которых было много серебра, немецкой оптики, мехов...

– Купил целый этаж? Это же какие деньжищи?!

– Да, купил. Сам с мамой в одной комнате с кухней жил, а другие сдавал. За копейки, конечно, время-то было послевоенное, но все равно... Считай, таким вот нехитрым образом «отмывал» свой капиталец. Потом они с мамой расстались, вернее, мама его бросила, вышла замуж за одного крупного чиновника, я звал его дядя Юз, не знаю, как точно было его имя, он вскоре умер, и мы с мамой остались одни в его большой квартире на Таганке. Она очень красивая была, бабушка твоя, хорошо одевалась, ты же видела ее фотографии... Думаю, она все знала и понимала про отца и не желала жить в постоянном страхе разоблачения. А отец, он страдал без мамы, это я знаю. Мы часто с ним встречались, ходили гулять в Сокольники, он покупал мне все, что я захочу. Мама никогда не настраивала меня против него. Время шло, я рос, стал понимать некоторые вещи, а когда взрослым стал, тогда отец мне все и рассказал. И ножик этот подарил... Что же касается моральной стороны его дел, то он мне всегда так говорил: не у бедных отнимаю. Думаю, он прекрасно понимал, у кого крал. А уж у государства нашего, говаривал он, вообще не грех украсть. Вот такие дела, дочка! А мы с тобой, Эля, даже чаю заварить не можем. Честные такие. Если б я не был на пенсии, мы бы с тобой иначе жили... В Москву бы перебрались.

– Я и так в Москве работаю, – напомнила я ему. – В центре...

– Ты не работаешь, а прозябаешь!

– Ну и ладно... слушай, а после него ничего не осталось? Чем закончилась его почтальонская эпопея? Его так и не поймали?

– Нет. Он был заслуженным работником почты, заслуженным пенсионером и все такое. Жильцы того района, который он обслуживал, любили его, ведь он был очень внимательным, всем помогал, даже, я знаю, деньги в долг давал, без процентов... Общительный, улыбчивый, всегда и во всем был точен, все про всех знал. Бывало, идет по улице, увидит женщину – спрашивает, выздоровела ли дочка, не нужно ли чего... Вот такой он был, мой отец.

– А ты? Расскажи еще про себя!

– Понимаешь, это целое искусство... Ведь через мои руки проходили не только переводы и посылки от частных граждан. Были и серьезные посылки, и пакеты с государственными средствами. Где ослабить или снять завязки со страховых мешков, да чтобы не испортить бирки и сургучные печати, а где отклеить печати с ценных пакетов...

Вот чем я не занимался, так это не грабил пенсионеров. Знаю, что некоторые мои, так сказать, коллеги, украв крупные пенсионные суммы, имитировали разбойные нападения на себя... Уж до такого я, честно тебе говорю, никогда не опускался. Пенсия – это святое.

Я усмехнулась. Действительно, в нашем доме всегда все было, и я не помню случая, чтобы моя мать у кого-то занимала деньги. Мы не шиковали, но и ни в чем не нуждались. Моя мама была социальным работником, занималась пенсиями, пособиями, словом, получала

очень маленькую зарплату. Папу я всегда помнила на велосипеде, с сумкой на плече... Почтальон! Да я даже гордилась этим, словно он занимал какой-то пост. Сейчас-то я понимаю, что просто он, в отличие от других родителей моих друзей, был постоянно на виду, приносил важные письма и телеграммы, газеты и журналы. И я всегда знала, что когда вырасту, тоже стану почтальоном. Ну не дал мне господь ума поступать в институты... Да и отец никогда не настаивал. Хотя мог бы...

– Почему ты не настоял, чтобы я пошла учиться после школы?

Угли уже погасли, в воздухе вкусно пахло печеной картошкой и жареной колбасой с дымком.

– Думал, ты пойдешь по моим стопам, я и направлял тебя потихоньку... Но время изменилось, сейчас редко кто отправляет ценные посылки, да и компьютер сделал свое дело... А потрошить посылки, даже применяя специальную технику – не тот масштаб... К тому же сейчас на почтах иногда работают целые группы из стран ближнего зарубежья, и там мне, к примеру, делать уже нечего... Правда, Элечка, я очень жалею, что ты не выучилась и не стала инженером или бухгалтером. С другой стороны, если бы ты не вышла замуж за эту скотину, Олега, который просто поработил, подчинил тебя, может, тогда ты и сама приняла бы решение учиться...

Он был прав. Мой муж Олег, которого я любила, несмотря на то, что он был лентяем, пьяницей и бабником, превратил мою жизнь в настоящий ад. И только после его смерти (он сгорел в бане вместе со своей любовницей), вернувшись домой, к отцу (мамы уже тоже не было), я начала приходить в себя, успокоилась. Квартиру, в которой мы жили с Олегом, быстро прибрала к рукам его сестра. Но это была квартира их родителей, поэтому я и не старалась что-то отсудить.

Жизнь с папой в частном доме, где все твое и где рядом живет человек, который тебя понимает, спасла меня. Два месяца после смерти Олега я просто отсыпалась, и папа ухаживал за мной, варил мне супчики, заставлял гулять на свежем воздухе, а потом он связался со своей знакомой в Москве, и меня устроили работать на почту. Я вставала чуть свет и ехала в Москву. Это была совсем другая жизнь, но какая-то заполненная, правильная, спокойная.

– Значит, мой дед сокровищ никаких не оставил? – спросила я просто так, уже собираясь уходить в дом. Полила из лейки на угли – они издали приятное шипение, дым поднялся к небу...

– Оставил.

Я посмотрела на отца. Он улыбнулся.

– Нам с тобой достались его «почтовые» мозги. Вот только ты пока что никак их не используешь... Нет, конечно, – спохватился он. – Есть у меня кое-что для тебя, так сказать, наследство. Ну, там... золотые монеты, несколько картин немецких авторов (понятия не имею, сколько они могут сегодня стоить, надо бы проверить по Интернету), жемчуг, немного брильянтов...

– Ты что, шутишь? – я даже уронила лейку. – Ты серьезно?

– Вполне, – однако на его лице все еще играла хитрая улыбка. – В стене замурованы!

И он расхохотался. Громко, на весь поселок. И я вместе с ним...

Однако этот разговор оставил в моей душе след. Долгий и яркий. Мои мозги. Что он хотел этим сказать? Мой отец никогда ничего не говорил просто так. Под фразой «почтовые мозги» он подразумевал какую-то связь с почтовым ремеслом, вернее, те возможности, которые передо мной открывает это мое нехитрое ремесло.

Вот уже десять лет я жила вместе с отцом, работая в Москве почтальоном. И за это время ни разу не использовала свое служебное положение. Да мне даже в голову это не приходило. Единственно, что я могла себе позволить, это почитать вечером, в тишине закрытой почты, дорогие журналы, которые выписывали очень немногие подписчики. В основном это были жен-

ские, иностранные и ярко иллюстрированные журналы по шитью и вязанию, настоящий клад для тех, кто профессионально занимается этим, или же каталоги интернет-магазинов, тяжелые и толстые, в которые я «проваливалась» с головой, мечтая о покупках «когда-нибудь»... Я очень аккуратно извлекала запаянные в целлофан журналы с помощью ножниц, просматривала их, а потом запечатывала специальным «запайщиком».

Могла еще съесть кусок торта, предложенный мне какой-нибудь одинокой старушкой в благодарность за то, что я принесла ей вовремя пенсию.

Словом, ничего такого, что могло бы мне принести реальную материальную выгоду, я не делала.

И вот буквально на следующий день после моего разговора с отцом я пила чай в квартире одной замечательной старушки, Анны Михайловны, угощалась ее вкуснейшим яблочным пирогом и особенно-то не слушала, о чем она говорит. Эти старушечьи разговоры – такая тоска! Я старалась не засорять ими свою голову, хотя и кивала: мол, да-да, конечно, Анна Михайловна. И вдруг услышала:

– Эльвира Андреевна теперь неизвестно, когда приедет. Не знаю, когда она вернется. Ей там, в санатории, хорошо... Она мне так и сказала: не могу, говорит, Анна Михайловна, оставаться в этой квартире, здесь все напоминает мне о нем... А там мне лучше, я там и сплю хорошо... К тому же там хорошие доктора. Я заплатила за месяц, но, может, останусь еще на один до зимы, до холодов... И спасибо вам, что приглядываете за моими цветами... Раньше они радовали меня, а сейчас... сами понимаете, мне не до них. Если хотите, возьмите их себе...

Казалось бы, ничем не примечательный разговор. Одна женщина уехала отдыхать в санаторий, другая, соседка, ухаживает за ее цветами.

Однако я услышала главное – эту женщину, что уехала, звали Эльвира Андреевна. Поверьте, это довольно редкое сочетание. Она была практически моя полная тезка! Разве что фамилия ее была, как я потом узнала, Норкина, в то время как у меня – Киреева.

Что это, знак? И что мне прикажете с этим совпадением делать?

Я начала развивать эту тему, спросила, почему Норкина не может оставаться в своей квартире, и узнала, что несчастная женщина, обладательница огромной квартиры на Остоженке, не так давно потеряла горячо любимого мужа, и теперь ей все вокруг напоминает о нем.

Хорошо. Что дальше?

А дальше происходит вот что! Искушение! Как облако накрыло меня с головой несколько дней спустя, когда я узнала, что Анна Михайловна с инсультом попала в больницу. Об этом мне сказала ее дочь, которую я застала как раз в тот момент, когда она перетаскивала цветы из квартиры Норкиной в квартиру матери. Дама ворчала, говорила, что ее мать, вместо того чтобы думать о своем здоровье, переживает о цветах Эльвиры Андреевны. И чтобы успокоить мамочку, эта дама решила перенести цветы, чтобы самой поливать их вместе с цветами Анны Михайловны. Так проще, удобнее...

Ситуация банальная, обыкновенная. Но и здесь я тоже увидела знак. Я предложила ей свою помощь, и мы с ней вместе стали таскать эти цветы. В конце наших переходов я незаметно взяла связку ключей от квартиры Норкиной и сунула себе в карман. Украла!

Взяла и от страха буквально покрылась липким потом. Что теперь будет? Ведь если эта пропажа откроется, то дочка Анны Михайловны вспомнит, что это именно я помогала ей носить цветы, и меня призовут к ответу.

Однако жизнь разрулила по-своему. Все семейство неожиданно переехало в Питер. Дочке предложили какую-то невероятную должность в правительстве Северной Пальмиры, и все рванули туда. Пока продавалась квартира, они, я слышала, жили там в первоклассной гостинице, а потом купили квартиру на Мойке! И все, Анна Михайловна исчезла! А значит, исчез и свидетель жизни Эльвиры Андреевны Норкиной.

На этом этаже было всего две квартиры, и вселившиеся туда новые жильцы и слыхом не слыхивали о Норкиной. Мало что знали о ней и соседи с других этажей, которые купили свои квартиры в последние несколько лет. Только одна женщина, живущая на пятом этаже, была хорошо знакома с моей тезкой, но и она продала свою квартиру, чтобы расплатиться с долгами внука.

Я открыла дверь квартиры Норкиной буквально вечером того же дня, когда мы таскали горшки с цветами с дочерью Анны Михайловны. Точно зная, что хозяйка не появится здесь еще примерно месяц, а то и больше.

Меня словно кто-то толкал в спину, мол, иди. Зачем? Что я этим добьюсь? Превращусь в пошлую «домушницу»? На это указывали все эти знаки?

Однако я открыла двери ключами и вошла. Замерла. Оказалась в мире посторонних запахов и посторонней тишины. Как в сухой и пыльной коробке.

Я не могла даже включить свет – а вдруг кто увидит из соседей светящиеся окна?

Вот так и бродила по квартире, дотрагиваясь руками до мебели, каких-то вещей...

Войдя в ванную комнату, я включила свет, благо этого уж точно бы никто не заметил. Понюхала все пузырьки-флаконы, провела ладонью по висящему на двери халату, полотенцам... И ушла.

4. Оля

Мама, когда была жива, всегда говорила, что меня просто-таки тянет к грязи. Я обижалась на это, замыкалась в себе и никак не могла понять, что она имеет в виду. Сейчас, когда мне уже за тридцать и когда я кое-что испытала в своей жизни, я понимаю, что она хотела мне сказать. Грязь – это не та грязь, мусор, и с чем мы боремся в быту, грязь – это подчас люди. Они могут ходить в чистой одежде, и под ногтями у них будет все вычищено, и волосы вымытые, и даже обувь без пылинки, только они грязные душой и мыслями.

В сущности, я стала это понимать еще в школе, где меня шпыняли и заставляли страдать лишь за то, что я училась в музыкальной школе, ходила на уроки живописи и была девственницей. Да и вообще не надо быть такой уж умной, чтобы все это понимать.

Однако на этот раз в моей постели оказался человек реально грязный. Про душу его я еще тогда ничего не знала. Но тело было грязным, одежда – тоже, ботинки его оказались покрыты толстым слоем пыли, забрызганы бурой грязью, а подошвы выпачканы какой-то красной мастикой...

Мне нельзя пить. После двух-трех рюмок моя душа начинает сочиться приторной добротой, мне становится жалко всех голодных животных, бездомных и обиженных людей, униженных женщин и брошенных стариков, наступает какой-то момент, когда остро начинаешь понимать всю негармоничность и несправедливость мира, и тогда охватывает такая тоска, что хочется выть.

Рядом с нашим домом есть пирожковая, где я иногда покупаю свежие и теплые пирожки домой. Редко я присаживаюсь там за столик, чтобы взять себе еще и чаю с лимоном. Но в тот раз я как раз взяла чай и устроилась в уголке, чтобы насладиться пирожками с капустой, с грибами и с мясом. Был вечер, что-то около шести часов, в это время там почти никого не бывает, и я не стесняюсь ужинать. Знаете, как-то не очень приятно, когда на тебя glareют и думают: ну вот, пришла, как будто дома не может выпить чаю. И понимают ведь, что если я сижу в пирожковой, значит, дома меня никто не ждет. Иначе я бы купила целый пакет с пирожками и принесла домой, своим домашним. Но этих вот «домашних» у меня как раз и нет. Никого. Даже кошку я не завела, чтобы не думать о ней в течение рабочего дня, что она скучает, что ей плохо или неудобно. К тому же когда у тебя есть дома кошка или собака, то не всегда можешь себе позволить куда-то поехать.

Я отвлеклась.

Это там, в пирожковой, я встретила его. Мужчину с грубым голосом, от звучания которого все поплыло перед моими глазами и меня бросило в жар. Его голос напомнил мне голос знаменитого Гару, Квазимодо. Разве что уши у него, у этого мужчины, были не такими веселыми и оттопыренными, как у Гару. Наоборот, его уши были маленькими, прижатыми к черепу, покрытому густыми спутанными волосами. Грубые черты лица, тяжелые веки больших темных глаз, толстые губы, прямой нос с выразительными ноздрями, впалые щеки и высокие скулы. Что еще сказать? Да я просто с ума сошла, когда увидела эту мужественную красоту, приправленную какой-нибудь наверняка не очень красивой историей, которая и загнала его, окрестившего самого себя хриловато-звучным именем Гарри (производная от Григория Горелова), в эту забегаловку, где он с аппетитом поглощал теплые мясные пирожки, запивая их ледяным пивом.

Думаю, что он поймал мой взгляд, и ответил на него своим, тягучим, убийственно проникновенным, проколовшим мое сердце...

– Водки хочешь? – спросил он меня, сидящую в метре от него за соседним столиком.

И зачем я только кивнула головой?

Он жестом пригласил меня к себе, я перешла, прихватив с собой тарелку с едой и чашку с чаем.

– Пирожки здесь отменные, – прохрипел он.

Я снова кивнула. Я готова была кивать еще долго, пока голова не отвалится, лишь бы видеть его, слышать его голос, быть рядом с ним.

– Мне бы комнату снять.

Опять кивок. Да, я готова была ему сдать комнату. А почему бы и нет? Иногда именно так и завязываются отношения. Люди живут рядом, разговаривают друг с другом, видят многое из того, чего не увидели бы, если бы встречались где-нибудь на нейтральной территории, в кафе или в кино. Когда человек живет за стенкой, ты видишь, какой он в быту, чем занимается, что ест, что читает или смотрит, можно даже подслушать, с кем и о чем он говорит по телефону, какую музыку предпочитает. Да это просто кладезь полезной информации – соседство!

– Я здесь рядом живу.

– Да мне по барабану, – ответил он. – Гарри.

– Ольга.

– Ты почему тут ужинаешь? Дома, что ли, никого нет?

– Муж в командировке, – произнес, словно помимо моей воли, мой рот. Сказала я, видимо, подчиняясь инстинкту самосохранения, да и вообще, чтобы он не понял, что я одна и никому не нужна. Хотя бы на первое время знакомства.

– Только деньги мне завтра пришлют.

– Хорошо, – снова кивок.

– А ты красивая. Ольга. И имя у тебя тоже красивое.

– Вы откуда приехали?

– Из Норвегии. На рыболовецком траулере работал. Заболел, вернулся домой, а жена, того, другого нашла. И нет бы к нему, к этому ё... уйти, так она его к нам домой привела, вот так. Ну, я все бросил и ушел. С одной стороны, обидно, конечно, что тебя предали, но с другой – меня же дома нет, я постоянно где-нибудь мотаюсь, работаю, а ей тоскливо, баба... Ей ласка нужна.

– Что, вот так прямо все оставили и ушли?

– Так у меня же двое детей. Чего ж я квартиру-то буду делить? Пусть уж живут с другим папашей. А я себе на другую квартиру заработаю. У меня много профессий, я много чего умею. Для меня деньги – мусор, в смысле, я умею их зарабатывать, почти из воздуха делаю. В смысле, своим трудом, потом. А ты умеешь печь такие вот пирожки?

– Умею. Я и торты тоже умею.

– Еще по рюмашке?

Кивок.

Спустя некоторое время меня охватило желание привести в порядок не только волосы и тело этого Гарри, но и его жизнь, судьбу. Ведь если он станет моим мужем, подумала я, ему будет намного легче идти по жизни. Он станет жить у меня, со мной, у него всегда будет чистая одежда, он будет сытым и сможет спокойно подыскать себе хорошую работу, и все устроится лучшим образом!

Водка сделала свое черное дело, и я не помню, как мы пришли ко мне домой. Какая-то полоса бесчувствия, беспамятства, безумия.

Зато точно помню, что проснулась я от запаха. От мужчины, похрапывающего рядом со мной, исходил запах немывтого тела, и меня слегка затошнило. Я выскользнула из постели, набросила халат и заперлась в ванной комнате. Осмотрела себя в зеркало, принялась к рукам. Секс. Все вокруг пахло сексом. А еще я чувствовала, как во мне все еще бродит алкоголь, как медленно и лениво он течет, растворенный в крови, по моим венам и артериям.

Болела голова, поясница и много чего еще, словно я весь прошлый день занималась гимнастикой.

Конечно, думала я, намыливаясь под душем, можно его выставить за дверь. Но так я могу поступить в любой момент. И снова останусь одна. А что, если этот мужчина – просто находка для женщины? Ну и что, что он часто в командировке, в далекой Норвегии или еще где ловит рыбу? Может, это даже к лучшему, что мы будем не так часто видеться. Станем переписываться по Интернету, если, конечно, это возможно, или общаться по скайпу. Я буду его ждать, готовиться к его приезду, а он – присылать мне деньги, привозить подарки из дальних северных стран...

Вернувшись в спальню, я собрала всю одежду Гарри, решив ее постирать. Заодно и посушить, благо в моей стиральной машинке есть такая функция. Он проснется, а его ждет чистая и сухая одежда. После машинки ее, кстати, можно проветрить и на лоджии, все-таки лето. Можно было вообще повесить сушиться на лоджии, да только джинсы точно не успеют высохнуть к тому моменту, когда он проснется. Поэтому не буду рисковать, решила я.

Думаю, я совершила небольшое преступление, решив опустошить карманы джинсов. Вдруг там что-то важное... Но ничего особенного я там не нашла. Лишь клочок бумаги, записку, на котором было написано: «Эльвира Андреевна Норкина, Б. Козихинский переулок».

Я почувствовала, как колени мои стали слабеть. Кто такая эта Эльвира? Жена?

Решив, что выбрасывать записку нельзя, я запомнила текст и быстренько записала в своей записной книжке. Мало ли, вдруг пригодится?

А потом меня охватило желание заглянуть в паспорт Гарри. При нем была спортивная сумка, в которой, насколько я поняла, уместился весь багаж моего гостя.

Сумка стояла в прихожей. Я, не дыша, стараясь не производить звуков, открыла сумку, достала паспорт. Конечно, умные девушки сначала смотрят в паспорт, а потом уже впускают мужчину в свою постель. Да то умные. Я же себя к таким не отношу. Я импульсивная.

«Григорий Александрович Горелов». С фото на меня смотрело красивое мужественное лицо викинга. Да, это Гарри. Я улыбнулась. Не обманул.

Ему в прошлом году стукнул сороковник. Постарше меня, что ж, это даже неплохо. Зарегистрирован в Сургуте. Да, далековато. Пролистала быстро страницы, пока не поняла, что держу в руках обычный внутренний паспорт. Порылась в сумке – нашла загранпаспорт. Пролистала. И здесь не обманул: действительно прилетел из Норвегии. Вот свежая пограничная печать аэропорта города Трмсё.

Мне понадобилось несколько минут, чтобы, заглянув в ноутбук, выяснить, что Трмсё – норвежский город, большая часть населения которого занята в рыболовецком промысле.

Я на цыпочках вернулась в прихожую и снова принялась изучать содержимое сумки Гарри.

Я увидела ноутбук. Что ж, уже неплохо, подумала я, извлекая его с величайшей осторожностью.

В основном сумка была набита грязными вещами – свитерами, майками, джинсами, трусами и носками. Но на самом дне я все же обнаружила кое-что интересное: бутылку норвежской водки «Линье-Аквавит», лежавшей на мягком свертке, в котором оказался белый, с синим орнаментом шерстяной свитер, внутри которого я увидела маленькое, смешное и одновременно страшное существо, ушастое, носатое, щекастое и глазастое – тролля.

Вероятно, вез подарки семье, да не сложилось. Может, часть раздал по дороге или вообще продал...

– Оля? – услышала я и мгновенно сунула ноутбук на место, рванула молнию на сумке, закрывая ее, выпрямилась и, глубоко вздохнув, приблизилась к двери спальни.

– Гарри? – улыбнулась я, чувствуя, как горят мои щеки от стыда. Как-никак я рылась в чужих вещах, а это нехорошо. – Доброе утро.

5. Глафира

– Июнь, люди должны отдыхать, а у нас работы – по горло! – сказала Лиза, разгребая на своем огромном письменном столе папки с документами, бумаги, книги, пустые чашки и блюдца. – Значит, у людей проблемы.

– Так радоваться надо, – сказала я, бросаясь ей помогать, поскольку я в нашей конторе отвечаю за еду и уборку. Так повелось с самого начала, едва я только устроилась работать к Лизе. – Дай-ка сюда эти чашки... еще уронишь, нехорошо будет, все-таки лиможский фарфор.

– У людей неприятности, а ты говоришь, радоваться нужно.

Все эти разговоры были лишь фоном, ненавязчивым оформлением утра понедельника. Понятное дело, что я никогда не радуюсь чужому горю, напротив, радуюсь, когда удастся кому-то помочь. И огорчаюсь, когда мне предстоит сообщить нашим клиентам тяжелую весть. К сожалению, так иногда бывает.

Лиза Травина – адвокат с именем, я, Глафира Кифер, – ее помощница. Но помимо чисто адвокатских историй у нас здесь подчас разыгрываются настоящие криминальные драмы. Надо будет как-нибудь подсчитать, сколько невиновных людей нам удалось спасти от грозящей им тюрьмы, сколько людей было найдено благодаря нашим с Лизой совместным усилиям. Конечно, последние два года нам стало легче работать, мы приняли в штат молодого и энергичного Дениса Васильева. Вот так и работаем – Лиза, я и Денис.

Лиза – стройная, высокая, светловолосая молодая женщина. И я не знаю ни одного мужчины из нашего окружения (или наших клиентов), кто бы не восхищался ею. Я тоже восхищаюсь ею и подчас прикладываю невероятные усилия, чтобы хоть немного походить на нее. Так, к примеру, время от времени пытаюсь отказаться от сладкого и мучного. Но меня хватает ненадолго. Кондитерская – это то искушение, мимо которого я не могу пройти, не заглянув. Все понимаю, чувствую, что плыву, но остановиться не могу. Пирожные – буше, эклеры, бисквитные, со сливочным или заварным кремом, миндальные, булочки с орехами, слойки, безе, пахлава... Это все печется для меня. Да и кондитерскую построили рядом с нашей конторой тоже исключительно ради меня. Так, во всяком случае, говорит задумчивая Лиза.

– Сейчас должна прийти знакомая моей мамы, ее зовут Лидия Александровна Вдовина. Очень колоритная женщина. Современная, молодящаяся изо всех сил, вот уже почти десять лет живет в Америке с мужем-художником. Некрасивая, но эффектная, обаятельная. Она – просто блеск!

– Так она что, приехала из Америки сюда, к нам, в Саратов?

– Да, решила провести своих родственников, друзей. Может себе позволить.

– А к нам почему? Проблема?

– Мама сказала, что у нее подруга пропала. Но мы сейчас сами обо всем узнаем.

Через несколько минут раздался звонок в дверь, пришла Лидия Александровна. Невысокого роста, с густыми, аккуратно постриженными волосами, в черных брючках и свободной красной блузе с короткими рукавами, позволяющими увидеть ее слегка покрытые загаром тонкие руки с намечающимися пигментными пятнами. На ногах – удобные, мягкой кожи темные мокасины.

Половину лица закрывали темные очки, которые она, войдя в приемную, сняла и взглянула на нас ярко-синими, в веселом прищуре, глазами.

– Ты – Лиза! Я узнала тебя, деточка! – она стремительно подошла к Лизе, и они обнялись.

– Как же я рада видеть вас, Лида!

– Тебя! Не «вас», а тебя! – поправила ее, подняв вверх тонкий указательный палец с острым красным ногтем, Вдовина.

– Хорошо, договорились, – улыбнулась Лиза. – Присаживайся. Чай? Кофе?

– Ничего не хочу. Спасибо.

Она села между нами за свободный стол Дениса, которого вообще редко можно было застать на рабочем месте. Он снова где-то мотался, гонялся, слонялся, летал, бегал, добывал информацию, проворачивал наши дела.

– А это, стало быть, Глафира, – она улыбнулась мне, показывая ряд белоснежных зубов. – Очень приятно. Я много слышала о вас, Глашенька. Можно я буду вас так называть?

– Хорошо, конечно...

– Ты прекрасно выглядишь, – сказала Лиза, и я поняла, что это «ты» далось ей с трудом. – Посвежела, помолодела. Как там, в Америке?

– Прекрасно. Приезжай к нам – и сама все увидишь. Мы живем в дивном месте, во Флориде... Я и с русскими уже там подружилась, образовался круг знакомых, и вообще все хорошо. Но Россия – это другое, это родина, и этим все сказано. Так хотелось увидеть знакомые лица не по скайпу, а вживую, обнять всех своих сестер, племянников, подруг... И все, слава богу, живы-здоровы. Вот только Элечку, свою подружку закадычную, потеряла... Даже и не потеряла... Ладно, все по порядку.

Эльвира Норкина. В девичестве Скворцова. Когда я уехала, мы поклялись друг другу не теряться. Она замечательная, прекрасный человек. Очень воспитанная, интеллигентная. Детей у них с мужем не было, но зато они жили душа в душу. Женя очень любил Элечку, просто боготворил ее, это была идеальная пара. Поэтому, когда он заболел, она совсем растерялась... А уж когда умер, она и сама была едва живая... Это несчастье случилось, когда я уже уехала в Америку. Она написала мне о смерти Жени, сказала, что ей плохо, и я предложила, чтобы она приехала ко мне погостить, сменить обстановку. Деньги у нее есть, Женя хорошо зарабатывал, у него был свой бизнес, кажется, молочный. А перед смертью он все продал и вложил деньги в недвижимость. У них была трехкомнатная квартира в центре Москвы, а потом, я так поняла, Женя купил еще несколько квартир... Это я к тому, что она спокойно могла позволить себе купить билет до Флориды. Да в крайнем случае я сама бы ей купила! Но об этом речь не шла... Да и вообще, ничего не получилось... Мы все переписывались, переписывались, я давала ей какие-то советы и все ждала, что она созреет для поездки ко мне. Я понимала, что ей просто не хватает решимости. Вероятно, мне самой следовало тогда приехать к ней, поддержать ее. Но у меня были важные дела, мой муж, художник, готовился к выставке, и ему тоже нужна была моя поддержка. Да он вообще без меня не может! Словом, я упустила какой-то момент, очень важный для нее, я думаю... Наступила пауза в нашей переписке, а мы переписывались по Интернету, разумеется... Я завалила ее письмами, разволновалась, звонила нашим общим знакомым, они сказали, что Эля поехала к какой-то родственнице в Питер, что скоро вернется...

И вот она вернулась, написала мне, что ей стало уже лучше, что она развеялась и готова подумать о поездке ко мне. Я обрадовалась... Но потом она написала, что у нее начались проблемы со здоровьем, кажется, что-то с зубами... Словом, вся эта наша переписка о поездке в Америку затянулась... мы стали писать друг другу все реже и реже... Мне даже показалось, что я начала раздражать ее своими письмами, новостями об успехах моего мужа... А потом переписка вообще сошла на нет. Я изредка спрашивала наших общих знакомых, как там Эля, но и они с ней перестали видеться, общаться... Быть может, меня бы здесь, у вас, Лиза, не было, если бы не одно обстоятельство, которое не дает мне покоя. Вот, прочти...

Лидия протянула Лизе листок.

– Что это? Какие-то слова... – Лиза вертела листок в руках.

– Мы вяло с ней переписывались, какие-то дежурные вопросы-ответы... А в тексте мне попадались слова... с чудовищными ошибками... Видишь, Лиза? Слово «речь» написано без мягкого знака. Вместо «довольно» – «давольно», а еще это «извени»! Или вот: «через чур»! Ну и конечно этот шедевр: «лутше».

– И?

– Конечно, ей было совсем плохо, у нее была депрессия, но разве может человек с высшим филологическим образованием допускать такие чудовищные ошибки?!!

– Нет! – вырвалось у меня. – Это не она вам писала.

– Разумеется, не она, – согласилась со мной Лиза. – Но тогда кто? И зачем?

– Короче, девочки. Я поехала к ней – в ее квартире живут другие люди. Они сказали, что Норкина продала им эту квартиру, и даже показали договор купли-продажи. Все чисто. Это было чуть больше пяти лет тому назад. В 2010 году. Я спросила их, не известно ли им, куда делась бывшая хозяйка, на что они ответили, что вроде бы она после смерти мужа никак не могла прийти в себя, что в этой квартире ей все напоминало о нем и что она присмотрела себе дом в какой-то деревне, неподалеку от Москвы.

– Ты, значит, видела договор купли-продажи.

– Да-да, и вообще все документы на квартиру. Говорю же, там все чисто. Моя Эля куда-то уехала. Возможно, она заболела и не могла сама писать и кто-то писал мне письма под ее диктовку. Да там даже и не письма, а короткие сообщения.

– Но если так, – осторожно вставила я, – этот неграмотный человек должен уметь пользоваться компьютером, это же электронные сообщения...

– Да, и я так подумала, – согласилась со мной Лидия. – И даже успела представить себе доярку с ноутбуком на коленях...

– Вы... то есть ты хочешь ее найти, да, Лида? – попытожила разговор Лиза.

– Да, очень хочу. Я принесла ее фотографии, записала подробно все, что нужно, – имя-фамилию, дату рождения, бывший теперь уже адрес... Со мной, Лиза, нужно вести себя, как и подобает в таких случаях, официально. Составляем договор и – вперед!

– Хорошо.

Лиза посмотрела на меня. Предстояла поездка в Москву.

– Вы полетите в Москву самолетом, вместе со мной, – сказала Лидия, словно прочтя наши мысли. – И будете жить у меня, в моей московской квартире. Надо сказать, что я ее все эти годы никому не сдавала, за ней присматривала моя соседка, чудесная женщина. Она даже все мои цветы в горшках сохранила, представляете?! Ну что? А... понимаю, вам надо поговорить. Хорошо, тогда я сейчас, Лиза, поеду к твоей маме, выпью у нее чайку, мы с ней договаривались, а потом ты позвонишь мне, и мы определимся, каким рейсом полетим в Москву. Хорошо? Но вы собирайтесь, очень прошу, предполагаю, что дел в Москве будет много.

– Хорошо.

Лидия улыбнулась одними губами. Видно было, что она встревожена, что этот разговор об Эльвире, ее подруге, расстроил ее.

Она ушла. Лиза встала, прошла по приемной, распахнула окно.

– Все можно понять... И депрессию, и желание этой Эльвиры продать квартиру, где ей все напоминало о ее муже, и переехать за город. Вообще изменить свою жизнь. Но эти ошибки... Это же грубейшие орфографические ошибки! И даже если предположить, что она диктовала эти письма Лиде... Ну, одно письмо она могла продиктовать. Но несколько? Зачем ей это? К тому же эти письма были, как выразилась Лида, дежурного характера, то есть не информативные...

– Думаешь, ее уже нет в живых?

– Все указывает на это. Или же попала в какую-нибудь секту. Словом, она либо выпала из реальной жизни, либо из жизни вообще... Где у нее была квартира?

– Остоженка, дом пять.

– Да уж... ты хотя бы представляешь себе, сколько может стоить сейчас трехкомнатная квартира на Остоженке? Ты набери, набери, погугли Остоженку, дом пять...

Я открыла первое же объявление о продаже квартиры по интересующему нас адресу.

– «В самом центре столицы в престижном районе «Золотая миля» на Остоженке, в старинном доме 1915 г. постройки, предлагается 3-комнатная квартира с дизайнерским ремонтом. Второй дом от храма Христа Спасителя. Большие просторные комнаты, кухня-столовая, зимний сад...» Да... Один квадратный метр здесь стоит полмиллиона рублей.

– А я о чем? Да наверняка все крутится вокруг этих квартир, вокруг денег этой Норкиной. Я понимаю, конечно, Лиду, она давно уже оторвалась от своей прежней московской жизни, но если уж ей так дорога была эта Эля, то могла бы и приехать к ней, забрать ее с собой. Тем более что знала, понимала, что она находится в таком состоянии, что мало чего соображает, и что она в таком положении – просто находка для мошенников.

– Это ты сейчас так рассуждаешь, а вспомни, давно ли ты интересовалась жизнью своих друзей?

– Да у меня и друзей-то особо, близких я имею в виду, нет... Только ты. И если бы с тобой что-нибудь, не дай бог, случилось, уж поверь мне, я бы разыскала тебя... И не стала бы ждать столько лет, как Лида... Пять лет тому назад Норкина продала свою квартиру. Я думаю, нужно разыскать риелтора, который проводил сделку, и разговаривать с ним. Ну и, конечно, заняться официально поисками Норкиной. Вполне возможно, что она действительно купила домик в какой-нибудь деревне в Подмосковье и живет себе там...

– Тема наследников...

– Наследники – это наше все! Надо будет выяснить все о ее родственниках, возможных наследниках. Сама понимаешь, Глаша, московские квартиры – это золотая и, вместе с тем, криминальная тема...

– Там мы едем?

– Разумеется! Я сейчас позвоню Диме, ты – своему мужу.

– Земцовой звонить будешь?

– Думаю, что она обидится, если узнает, что мы с тобой были в Москве и не встретились с ней. К тому же, как ты сама понимаешь, она может нам реально помочь.

– Она снова с Крымовым?

– Понятия не имею. Вроде бы с ним, но... это же Крымов, с ним трудно. Он – как ветер.

Я живу с мужем за городом, мы воспитываем его мальчишек от первого брака, и, если бы не Надя, сестра мужа, конечно, ни о какой работе я и не помышляла бы. Но Надя, одинокая женщина, без мужа и детей, обрела свою семью у нас.

– Тебя собрать? – спросила она. – Ты приедешь домой?

– Точно не знаю, но думаю все же, что нет. У меня здесь, в конторе, есть все необходимое для командировок.

– Узнай, какая погода в Москве, может, похолодает... Словом, мы будем тебя ждать.

– Я еще Диме позвоню... Он что-то трубку не берет. Может, не слышит...

Но Дима взял трубку, буквально через пару минут после моего разговора с Надей. Я рассказала ему о новом деле, объяснила, что мне нужно уехать. Он, как и Надя, сказал о возможном похолодании, посоветовал мне взять свитер.

Это был обычный разговор, но в нем было столько обоюдного тепла и понимания, что я в который уже раз поблагодарила бога за то, что он послал мне встречу с Димой и что у меня есть семья и даже сыновья – Арсений и Петя!

Лиза тоже позвонила домой, поговорила с няней подросшей дочки Магдалены, предупредила своего мужа, Дмитрия Гурьева, о том, что мы уезжаем. Мы собрались, взяли все необходимое, позвонили Лидии, сказали, что готовы и что можно покупать билеты.

И вот спустя два часа мы втроем уже сидели в аэропорту в ожидании своего рейса.

– Лида, расскажи нам подробнее о своей подруге, – попросила Лиза. – Что она за человек? Ее характер, привычки, болезни...

Я достала блокнот и приготовилась делать пометки.

6. Женя

– ...Ты им компот из клубники сделай и оладушки напеки... И смотри, чтобы Егорка на яблоню не лазил, он однажды залез, а слезь не смог, и нам пришлось просить большую лестницу у соседей... Мало того что соседи у нас – люди необщительные, так еще и лестница неподъемная!..

Вспомнив этот эпизод из дачной жизни, Женя, закончив разговор с матерью, медленно повернула голову и посмотрела на распростертое на полу тело мужа.

– Ты помнишь? Помнишь, как мы волокли с тобой эту лестницу, чтобы снять Егорку? Ничего-то ты не помнишь... Вообще все забыл. И про нашу любовь забыл, и о том, как наши дети рождались, и как мы радовались, как были счастливы. Ты предал нас, нас всех – меня, Леночку, Егорку. Что сделала с тобой эта женщина? Чем тебя околдовала? Старая, некрасивая, я видела ее фото на твоём телефоне, уж извини... Деньги. Всему виной деньги, вернее, их отсутствие. Но кто же в этом виноват, что у нас никогда не было денег? Я, что ли, должна была их зарабатывать? Ты – мужик, ты и должен был нас обеспечивать. Думаешь, я не помню, какие горы ты нам обещал, когда делал мне предложение? Что откроешь свою типографию, что отец тебе поможет и все такое... Да, я понимаю, твой отец заболел, и все деньги ушли на его лечение, но их все равно не хватило бы, и ты это прекрасно знал... А так... Что в конечном итоге получилось? Ни отца, ни денег... Твоя мать с инсультом лежит, хорошо еще, что за ней сестра ухаживает. Но тоже ведь не бесплатно, там уже и завещание подготовлено...

Молчишь?

Женя Зимина, худенькая бледная женщина в джинсах и майке, принесла ведро с водой на кухню и принялась отмывать пол от рвоты.

– А ты как думал? Думал, что я тебя вот так просто возьму да и отпущу? Ты, значит, решил развестись, меня с детьми бросить, а сам бы отправился в Лазаревское, на море, ублажать эту старуху? Ты вообще думал, что я должна была чувствовать, представляя вас вместе? Ну уж нет...

Она мыла губкой пол рядом с телом мужа, сначала боясь взглянуть на его лицо, перепачканные губы, а потом, словно осознав, что перед ней труп, этой же губкой вымыла и его лицо.

– Хорошо, что дети на даче, с мамой. Она там за ними присмотрит. А я... Я сначала думала сдать полицию, рассказать им всю правду, ну, что отравила тебя. А сейчас думаю: с какой стати я стану губить свою жизнь? Да и детей жалко. Уж как-нибудь да вывезу тебя. Хоть по кусочкам. Мне уже все равно.

Ты пойми, Саша, я тебя уже не люблю. Во мне все сгорело. Я просто понять не могу, как это так можно взять да и вычеркнуть из жизни человека. Это же не слова из предложения выбросить. А человека! Значит, сломать, изменить его судьбу. И почему я должна страдать одна? Ты, значит, жил бы себе спокойно у нее под крылышком, у этой змеюки, вы купались бы в море, ели шашлыки, а мы тут с детьми подыхали с голоду? Нет, Саша.

И ей не будет уже жизни... Уж я-то постараюсь...

Прикатила! С деньжищами, думала, что раз есть деньги, так можно все?! Да кто бы тебе развод-то дал? Я? Нет!

А ты, Саша, ты вот скажи, тебе не стыдно? Ты вообще, что ли, разум потерял? И стыд? Отправился на заработки, а вместо этого закрутил роман с престарелой бабой, жил у нее, а теперь вот и жениться на ней собрался! Стыд-то какой!

Она вылила грязную воду в унитаз, набрала чистую, плеснула в ведро дезинфицирующую жидкость и снова принялась мыть пол на кухне. Чувства, которые захлестнули ее, были похожи на опьянение свободой, возможностью выговориться наконец. Она была одна дома, не считая мертвого мужа, и никто не мешал ей выплескивать все накопившееся негодование,

злость, обиду, раздражение, досаду. Еще не осознав до конца, что она натворила, она радовалась одному – что ей сейчас никто не мешает. Что детей дома нет. И что мама, которая имеет обыкновение заходить по нескольку раз в день, сейчас на даче. Поэтому, кто бы ни позвонил в дверь, она имеет полное право не открывать.

– А то кофейку ему захотелось... А ты купил этот кофе? Ты хотя бы рубль в дом принес? Привык, что нас мама содержит, что все в дом прет! Кофейку, да с сахаром... Да как ты вообще посмел прийти после того, что сделал?! Развод он, видите ли, захотел... Жениться собрался! Кофе... Выпил? Понравилось? Вот так...

Она поднялась с колен, выпрямилась во весь рост и пнула ногой тело мужа в бок.

– Что, уже не больно? Ничего не чувствуешь? А я чувствую. И мне больно. И боль моя еще не скоро пройдет. Ну что, кажется, чисто?

Женя Зимина принесла из спальни большое покрывало, расстелила на полу, втащила на него тело и аккуратно завернула, откатила рулон к стене. Села у распахнутого окна, закурила.

На кухне крепко пахло хлоркой, было чисто и как-то голо. Это потому, что не было детей. На плите – пусто. В холодильнике – тоже. Зачем что-то готовить, когда нет аппетита, всегда можно перекусить хлебом и молоком.

Женя сидела, курила, рассматривая покачивающиеся за окном ветви деревьев, слушала шум московского летнего двора, детские голоса и крики, звук ударяющегося о стену мяча, и слезы, крупные, прозрачные, капали, стекая по обескровленным щекам, на грудь.

Как она могла так ошибиться в своем муже? Всегда считала Сашу человеком близким, родным. Конечно, все знали и понимали, что он неудачник, что так уж складывалось в его жизни, за что бы он ни брался, у него ничего не выходило. Вот просто сплошное невезение. Зато ему повезло с женой и детьми! Разве это не счастье?

Так разве ж он это ценил? Может, в самом начале их отношений он и относился к Жене с трепетом, но все это схлынуло с рождением Леночки. Как-то сразу все стало приземленно, скучно, проблемно: это безденежье, недосып, продавленный диван, подержанная детская кроватка, потрескавшийся кафель в ванной комнате, почерневший от времени унитаз, доставшийся им от старых жильцов этой дешевой и «убитой» квартиры, купленной ими на родительские деньги сразу после свадьбы.

Вроде бы и упрекнуть родителей не в чем – жильем молодую пару обеспечили. А что дальше-то делать? Женя – кассир в супермаркете, Саша – с его полиграфической специальностью – вечно безработный. Денег всегда не хватало.

– Ты почему по специальности не работал? – Женя бросила взгляд на неподвижный рулон возле стены. – Вакансий в Москве – полно. Мы же с тобой вместе искали и находили. Почему каждое твое собеседование заканчивалось ничем? Что ты им такого о себе рассказывал, что они забывали о тебе сразу же, как только за тобой закрывалась дверь? Молчишь? Вот и я не знаю. И уже никогда не узнаю. Наверное, ты просто дурак, и люди это чувствуют, а еще страшный эгоист, который думает только о себе.

Она встала, сделала несколько упражнений, разминая спину. Затем вышла в прихожую, открыла дверь и выглянула на лестничную площадку.

Они жили на девятом этаже кирпичного дома. Над ними – лишь технический этаж с лифтовой шахтой и выходом на крышу.

Женя вернулась на кухню, схватилась за край рулона, вцепившись руками в покрывало: – Поехали...

Она выволокла тело мужа сначала на площадку, затем, прилагая все силы, втащила его наверх, в отгороженное металлической решеткой помещение, ключ от которого она выпросила у техника-смотрителя после случая с подкинутыми туда новорожденными и орущими котятами.

– Пока тут лежи.

Она вернулась, снова закурила. Мысли ее крутились возле дачного поселка, где находилась родительская дача. Там есть небольшой лесок, где можно закопать труп. Да только, может, те, кто будет разыскивать Зимина, могу догадаться прочесать этот лесок. Нельзя недооценивать, так сказать, своих врагов.

Еще машина. Где взять машину? Кто согласится ей помочь? Только отец. Сейчас он на рыбалке с друзьями. Вернется вечером. И что она ему скажет? Приезжай, я мужа своего убила. Надо бы его где-нибудь закопать.

Папа. Бедный папа. Повесить на него такой груз.

Но если позвонить в полицию, то для родителей ее пребывание в тюрьме окажется еще большим ударом.

Она снова позвонила матери. Спросила, когда вернется отец с рыбалки.

– Так он уже вернулся! Лещей привез! Женечка, может, ты приедешь к нам? Что там у вас случилось с Сашей? Где он так долго был? Я уж боюсь спрашивать, чтобы не расстраивать тебя, я же чувствую, что между вами что-то произошло... Вижу твои заплаканные глаза. Ты и сюда не приехала, как я понимаю, чтобы вы во всем разобрались с мужем. Я права?

– Да, мама, ты права. Просто я не хочу сейчас говорить, да и не могу.

– А... Тебе неудобно? В этом все дело?

– Да. В этом.

– Скажи, а деньги у тебя есть? Я к тому, что ты, может быть, боишься сказать мне, что твой муженек ничего не заработал на море. Женя, ты чего молчишь?

– Я... я не знаю... подожди, мама, я сейчас прикрою дверь...

Женя, положив телефон на стол, бросилась в прихожую, где Зимин оставил небольшой новый спортивный рюкзак, светло-зеленый, украшенный кожаными вставками. Подарок этой твари.

Дрожащими руками она расстегнула его и принялась вытаскивать все содержимое. Смена белья, две пачки «Мальборо», зажигалка и новенький бумажник из натуральной кожи. Бумажник тяжелый, плотный. Она раскрыла его как книгу и увидела, что его отделения просто набиты деньгами, в одном – евро, в другом – доллары, в третьем отделении – пятитысячные рублевые купюры.

– Да, не слабо ты, видать, постарался верхом на этой кобыле...

Ее всю трясло, даже зубы стучали.

– Какой же ты гад! Проститутка! Продался этой гадине... Ты не мужик... просто мразь! Вспомнив, что у телефона ждет мать, Женя вернулась на кухню, взяла телефон:

– Ма? Ты еще здесь? Слушай. Тут такое дело... Мне нужна папина помощь, дай-ка ему трубку...

7. Оля

– Ты хорошая, – сказал он мне, ласково потрепав по щеке. – И красивая. И вообще супер. Ты будешь мне хорошей женой.

У меня от услышанного ноги подкосились. Думаю, что в этот момент у меня глаза увеличились в два раза, а то и в три.

– Что? Тебе, зайка, никто еще не делал так быстро предложения?

– Ну... Почему... Всякое бывало... – краснела я до покалывания в губах. – Но ты же меня совсем не знаешь. Может, тебе просто переночевать негде? Так ты не парься, живи, тебе совсем не обязательно жениться на мне.

Последнее я сказала, конечно, с трудом. Мысленно-то я уже вышла за него замуж и родила ему детей. В квартире даже как будто запахло слегка подгоревшим молоком и детскими мокрыми пеленками...

– Мне деньги пришлют, и я смогу снять себе квартиру. Дело как раз не в этом. Просто ты хорошая. Такой должна быть жена.

– Но ты уже один раз ошибся... – нерешительно произнесла я.

Утро плавно перетекало в день, за окном блестела под солнечными лучами Москва. Я лежала на мужском плече, моя щека заняла впадинку на нем, словно специально созданную под мой размер. Мы совпали. Я умирала от любви, задыхалась от страсти. Еще вчера я, разглядывая себя, обнаженную, в зеркале, находила в себе сплошные изъяны: слишком худа, волосы какие-то белесые, глаза меняют цвет, грудь маленькая, кожа чуть ли не зеленая...

Сейчас же, в руках мужчины, я наполнилась жизнью, кровь во мне забурлила, моя кожа стала бело-розовая, щеки разрумянились, волосы шелковым мягким веером рассыпались по подушке, серые глаза засверкали фиолетово-зеленоватыми александритами, а грудь разбухла, налилась, как и губы... Я вся была открыта новым ощущениям, я горела и будто летела куда-то в космос. Это была любовь. Я поняла это. Любовь – значит, болезнь. Я заболела этим крепко пахнущим любовью мужчиной.

Сейчас он лежал в постели чистый, на его влажных волосах сверкали на солнце капли воды, но никакие шампуни или мыло не могли заглушить другие запахи, мужские, которые кружили мне голову и заставляли меня вновь и вновь подчиняться ему.

– Вообще-то я не шучу. И про деньги я тоже не наврал, мне пришлют. Конечно, вчера, когда мы встретились с тобой, я выглядел не очень-то, да и воняло от меня. Но я ехал по одному вполне определенному адресу, где надеялся отмыться, выпить чаю, выспаться. Но не получилось.

– Вопросы можно?

– Валяй, – он захватил рукой мою голову и зажал шею, слегка придушив. Кожа его была теплая, шелковистая. Хотелось прокусить почему-то. – Какая ты... хрупкая...

– Ты сказал, что заболел, поэтому бросил работу. Что случилось? И когда? – Мне хотелось знать о нем все!

– Неделю тому назад. Встать не мог. Мы как раз вернулись в порт. Так меня на носилках на берег выносили. Думали, что-то с позвоночником. Никогда такого не было. И боль адская, отдавало в левую руку...

– И?..

– У меня друг есть в Тремсё, ну, это город такой в Норвегии, он врач, его зовут Оле.

– Как меня?

– Нет, его зовут Оле. Мои друзья с берега позвонили ему, он приехал за мной и привез в свою клинику. Там меня обследовали. Знаешь, очень странная история. Мы-то все думали,

что у меня проблема с позвоночником, а оказалось, что воспалился нерв, который находится где-то возле мышцы, поддерживающей почку... И мышца эта напряглась, давила на нерв... Сначала Оле сделал мне коктейль, набрал в огромный шприц каких-то волшебных препаратов и ввел где-то возле шеи... Знаешь, я в первый раз после бессонных ночей заснул наконец. Меня отпустило. Какое счастье – отсутствие боли! На следующий день он подрезал какие-то мышцы в районе почек, поставил на эти раны пиявки, и я почувствовал себя здоровым. Нам всем дали отпуск, и вот я решил съездить домой, в Сургут, к жене и детям. А что было дальше – я тебе уже рассказал.

– А деньги? Тебе что, не заплатили там, в Норвегии?

– Нет, почему же, заплатили. Но я одолжил крупную сумму своему другу, он в Крыму дом себе присмотрел, а квартиру родительскую еще не успел в Сургуте продать... словом, ему нужно было просто перехватить, вот я ему и одолжил.

– И сколько? – Сердце мое забилося, я подумала, что этим вопросом оттолкну его от себя. Кто я ему, чтобы спрашивать о таких вещах? Мы знакомы-то с ним были всего несколько часов!

– Пятьдесят тысяч, – сказал он.

– Рублей?

– Зачем рублей, евро, конечно!

– Богатенький Буратино...

– Говорю же – выходи за меня, – он повернулся ко мне, наши лица почти соприкасались. Его теплые губы нашли мои. – Только не изменяй.

– Постой... Вот ты приехал в Сургут, домой. А там – другой мужик живет с твоей женой, так? И что? Я надеюсь, ты их не покалечил?

– Нет. Просто развернулся и ушел. Уехал. Улетел, вернее. Сюда прилетел.

– А к кому ты здесь поехал?

– Так, ни к кому. Теперь моя очередь задавать тебе вопросы. Помнишь, я спросил, почему ты ужинаешь в кафе, а не дома? Ты сказала, что замужем, что у тебя муж есть.

– Ну, не признаваться же незнакомому человеку, что меня дома никто не ждет. Словно я напрашиваюсь, сам знаешь на что...

– Так ты выйдешь за меня?

– Не знаю, посмотрим...

– На что посмотрим? Еще не насмотрелась?

– ...Как ты себя будешь вести...

– Да я хороший, и вести себя буду хорошо.

Он улыбнулся ей так, что у нее сердце остановилось. Что сделать, как себя вести, что вообще должно произойти, чтобы он остался с ней навсегда?

То, что она испытала в ту минуту, напомнило ей свои ощущения детства, когда утром, проснувшись, она не обнаруживала на своем стуле с одеждой сундук с найденным кладом, который специально принесла домой, в свою комнату, и положила на видное место, чтобы, проснувшись, взять его. Это были редкие сны, когда не знаешь, что ты во сне, и увиденное воспринимается как реальность.

Так вот сейчас Гарри был ее кладом, ее богатством, и она очень боялась проснуться и снова оказаться одна.

– У меня сигареты закончились. Где здесь рядом можно купить?

В эту самую минуту раздалась музыка. Ритмичная, настолько непривычная уху, что я даже заслушалась. На фоне энергичных ударных басов звучал необычайно свежий и оригинальный звук охотничьего рога.

– Что это? – спросила я, но ответа не получила, потому что Гарри, вскочив с постели, обнаженный, схватил телефон и прижал к уху.

– Да, слушаю, Вик!

Глаза его в эту минуту горели, а на скулах заалел румянец. Его губы растянулись в широкую улыбку. Видимо, известие, которое он получил, его сильно обрадовало.

– Отлично. Спасибо, друг! Хорошо... Я сейчас проверю и тебе перезвоню.

Он отключил телефон и посмотрел на меня, сияя счастьем.

– Ну, говорю же, все будет нормально, и я получу обратно свои деньги! Вик, мой друг из Сургута, о котором я тебе только что рассказывал, перевел мне деньги! Все, до цента!

Он бросился в прихожую, схватил сумку и внес в комнату, открыл ее, достал ноутбук, включил.

– Ну-ка, вот... сейчас...

Когда на экране появилась его банковская страница, он притих и только щелкал клавишами, набирая, по всей вероятности, код.

– Уф... Вот, смотри! Все пятьдесят тысяч! Ну, что, выйдешь за меня? – он подхватил меня на руки и закружил по комнате. – А ты, наверное, думала, что я бичара какой?! Да? Кстати, – он опустил меня и взглянул мне в лицо, – как ты вообще могла напиться в какой-то забегаловке с незнакомым парнем? Ты всегда так поступаешь?

– Каждый день, – сказала я в отчаянии, чувствуя, что теряю его. Слезы заполнили мои глаза. – Ну что, теперь все? Теперь я тебе не нужна? Ты снимешь себе квартиру или вообще купишь... Деньги, конечно, не такие уж и большие, но потом еще рыбу половишь в своей Норвегии, снова заработаешь...

Меня охватила такая тоска!

Гарри усадил меня к себе на колени.

– Ты что же это, думаешь, что я вот такой, да? Что я просто использовал тебя? Ты действительно мне очень нравишься. Признаюсь, я так устал уже жить один... Да, я часто ухожу в море, работаю по контракту, но ведь я могу и не уезжать. Могу устроиться где-нибудь здесь, в Москве, на работу. Говорю же, я много чего умею. Я технарь, у меня и диплом есть... Но мне почему-то кажется, что для нас с тобой Норвегия, я имею в виду, моя работа – это то, что нужно, чтобы не надоест друг другу. Я уйду в море, но мы с тобой сможем общаться по скайпу, когда будет такая возможность, я имею в виду Интернет... Ты согласна?

Я не знала, что ему сказать. Признаться в том, что я влюбилась и что готова ждать его хоть всю жизнь, зная, что он все равно ко мне вернется, не будет ли это выглядеть идиотизмом? Может, он просто проверяет меня?

– Ладно, я понял... Не отвечай. Ты отчего-то напугана... не веришь мне... Хорошо, пусть пройдет время, и ты сама все поймешь. Или... у тебя кто-то есть?

– У меня? – вопрос был настолько неожиданным, что я чуть было не расхохоталась. Хорошо, что я все же сдержалась, иначе это означало бы высшую степень неуважения к себе. Как будто у меня не могло быть любовника...

Он нежно поцеловал меня.

Господи, как же долго я буду еще помнить вкус его теплых губ, аромат его дыхания, сильные объятия...

Мы собрались и вышли из дома. Гарри сказал, что теперь, когда «мы богатые», можем позволить себе все, что угодно. Сказал, что хочет сделать мне подарок. Я была смущена. Не помню, чтобы мужчины делали мне подарки. Да и мужчин у меня было раз, два и обчелся. Какие подарки?!

Оторвавшись от Гарри, от его тела, я, словно цветок, который вынули из воды, стала хиреть. Я физически почувствовала слабость, мне показалось, что я потускнела. Не знаю, как объяснить это странное чувство. А ведь он тогда еще был рядом, и мы с ним держались за руки. Как влюбленные в кино.

Может, это мое состояние было связано с тем, что я очень боялась, что Гарри исчезнет, растворится, как утренний сон, я проснусь и окажусь вновь в своей квартире, в своей спальне.

Но моя рука покоилась в его горячей и сухой ладони.

Мы прошли с ним буквально несколько метров, пересекли зеленый Есенинский бульвар, дошли до ближайшего магазина, где, я точно знала, был банкомат. Взглянув на меня, Гарри достал карту и вставил в банкомат.

– Сколько возьмем?

– Я не знаю... Сам решай... Это твои деньги.

– Оля, прошу тебя... Устроим сегодня праздник, сходим вечером в ресторан, а днем – пройдемся по магазинам, купишь себе что-нибудь... Вы, женщины, это любите. Пожалуйста, не смотри на меня так... Все хорошо. Все теперь будет хорошо, понимаешь? Не знаю, как ты, а я полностью доверяю тебе. К примеру, вот моя карта, запомни код... «1113». Запомнила? Три единицы и тройка. Легче легкого! Если эта штука отсчитает мне пятьдесят штук, то будет уже неплохо. Короче, сколько даст...

Банкомат зашелестел, лаская слух, купюрами. Все, кто имеет дело с банкоматами, знают этот характерный звук счастья и покоя. Деньги – с их помощью можно хотя бы на время стать счастливым. Расплатиться с долгами, купить новое платье... Мои мысли в тот момент оказались словно замороженными. Я все никак не могла выработать для себя линию поведения с Гарри. Какой мне быть? Естественной, то есть улыбаться от счастья, что мы все еще вместе, быть может, даже радоваться тому обстоятельству, что Гарри меня не надул и что ему действительно вернули долг, то есть он не обманщик? Или же замереть и просто как бы со стороны наблюдать за происходящим?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.